

ДМИТРИЙ ДЬЯКОВ

ГЛАВЫ ИЗ БУДУЩЕЙ КНИГИ

СЕРДЦЕ ГЕНЕРАЛА

М ринято считать, что в истории военной кафедры Воронежского университета был только один начальник в чине генерала. Это Василий Васильевич Болознев, о котором осталось много воспоминаний как о заботливом отце-воспитателе юношей-студентов. Между тем университетская «военка» знавала и еще генералов-начальников. Перед вами рассказ об одном из них, Александре Михайловиче Сазонове.

В отличие от генерала Болознева, олицетворявшего тип командира времен революции, генерал Сазонов соответствовал всем требованиям новой, механизированной войны.

Начало Великой Отечественной он встретил на Камчатке. На передовой оказался только через год. В ту пору еще полковник, Сазонов стал заместителем командира стрелковой дивизии на Северо-Западном фронте. Отличился в феврале 1943-го при ликвидации противника в знаменитом Демянском котле. Тогда за восемь дней боев наши войска освободили от немцев свыше 300 населенных пунктов.

После такого успеха Сазонов был назначен командиром 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Под его началом советские десантники противостояли войскам вражеской группы «Север» в районе Старой Руссы, сражались на Курской дуге, освобождали Черниговщину и Полтавщину (за что приказом Сталина дивизия получила почетное наименование «Полтавская», а Сазонов – генеральские погоны), участвовали в Кировоградской и Уманско-Ботошанской наступательных операциях...

«Командир дивизии гвардии генерал-майор Александр Михайлович Сазонов был очень требовательным и справедливым человеком, – читаем в книге И. Самчука и П. Сачко “Атакуют десантники”. – Внешне спокойный и уравновешенный, перед

тем как принять решение, он обстоятельно взвешивал все за и против. Приняв решение, он проводил его в жизнь со свойственной ему настойчивостью и твердостью. Как только где-нибудь складывалась тяжелая обстановка, генерал направлялся на этот участок и оттуда руководил боем...»

В один из таких моментов, 6 марта 1944 года, прямо во время атаки генерала Сазонова сразил обширный инфаркт. На самолете его вывезли в столичный госпиталь, где он провел почти четыре месяца. О возвращении на фронт не могло быть и речи. Генерала отправили в глубокий тыл, в Алма-Ату, начальником пехотного училища. Там он и встретил Победу.

Потом был опять госпиталь, лечение продолжалось долгие полгода.

И наконец, 15 марта 1946 года приказом Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР № 787-к/19 генерал Сазонов был назначен начальником военной кафедры ВГУ.

...Сегодня это кажется невероятным, но военная кафедра в Воронежском университете продолжала работать на протяжении всех военных лет. В период, когда приостановили работу многие кафедры и структурные подразделения, военная кафедра продолжала действовать. Даже во время эвакуации в Елабугу, когда волею обстоятельств ее возглавил научный сотрудник химфака ВГУ Павел Федорович Решетников. С учетом военной обстановки и собственных научных интересов он разработал курс ПВХО (противовоздушной и противохимической обороны) и читал его студентам университета в самые тяжелые дни войны. В конце 1943 года, когда университет уже вернулся из эвакуации, П.Ф. Решетников ушел на фронт, где пропал без вести.

В 1944 году по специальному предписанию из Орловского военного округа (в его состав в тот

период входила и Воронежская область) в распоряжение ректора ВГУ был направлен кадровый военный – подполковник Даниил Семенович Звонник. За его плечами был геодезический факультет Военно-инженерной академии РККА и трехлетний опыт работы на фронтах Великой Отечественной войны в должности начальника топогеодезического отряда. Д.С. Звонник и стал следующим начальником военной кафедры ВГУ. Он был хорошим специалистом своего дела, но оказался недостаточно сильным организатором. После Победы Звонника отозвали в столицу – преподавать военную топографию: сначала на Высших курсах усовершенствования политсостава Московского военного округа, затем в Военной академии тыла и снабжения. А в Воронежский университет на его место был прислан тот самый гвардии генерал-майор А.М. Сазонов.

Кстати, в его биографии уже были воронежские страницы: в 1919 году Александр Михайлович, будучи командиром пулеметно-пехотного отделения Красной армии, сражался в наших местах с белоказаками генерала А.Г. Шкуро. И вот теперь – новая встреча с Воронежским краем. Ничего хорошего поначалу она не сулила.

Принципиальный генерал Сазонов нашел состояние военного обучения в ВГУ удручающим. Уже через десять дней после вступления в должность он отбыл в служебную командировку в Москву – решать вопросы по организации и оснащению вверенной ему кафедры. Очень скоро такие командировки стали для него постоянными. Тому были свои причины: в 1946 году командующий 5-й гвардейской армией (в состав которой входила воздушно-десантная дивизия генерала Сазонова) генерал армии А.С. Жадов стал заместителем главкома Сухопутных войск СССР по боевой подготовке. Известный военачальник ценил своего бывшего подчиненного, десантники которого на Курской дуге спасли от окружения передовые части 5-й армии. «Сплошного фронта тогда не было. Поэтому части 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии полковника А.М. Сазонова, не успев занять оборону, вынуждены были с ходу вступить в бой с атакующими частями 2-го танкового корпуса СС. Завязался ожесточенный бой. Гвардейцы мужественно отражали атаки вражеской пехоты», – вспоминал генерал А.С. Жадов в книге «Четыре года войны».

В послевоенной разрушенной стране многое держалось на фронтовом братстве. Поэтому нет ничего удивительного, что большой армейский начальник Жадов стал оказывать всяческое содействие своему боевому товарищу. Благодаря этому в течение лета 1946 года военная кафедра Воронеж-

Генерал-майор
Александр Михайлович Сазонов
(1897–1955)

ского университета получила многие необходимые для организации учебного процесса материалы. Вот и ректор ВГУ Н.П. Латышев, проводя перед новым учебным годом аттестацию сотрудников университета, так писал о генерале Сазонове: «С работой начальника кафедры справляется хорошо. Требователен и дисциплинирован. Энергично взялся за подготовку к новому учебному году, оснащение кафедры оборудованием. Политически развит. Тактичный, выдержанный, активный».

Материальное оснащение военной кафедры ВГУ стало главной заслугой генерала А.М. Сазонова в период работы в Воронеже. Увы, большего ему сделать не удалось.

Александр Михайлович был уроженцем Саратовской губернии. Там же, в Саратове, жила его семья – жена и трое детей. Воронеж лежал в руинах, и перевезти родных сюда не было никакой возможности. Да и состояние здоровья самого генерала требовало совершенно иных бытовых условий.

К апрелю 1947 года Сазонов полностью оснастил военную кафедру всем необходимым. После этого, по договоренности с ректором ВГУ и при содействии все того же заместителя главкома А.С. Жадова, он был переведен на родину – начальником военной кафедры Саратовского университета.

В 1952 году был отправлен в отставку по болезни, а в 1955-м умер в результате очередного инфаркта. Было тогда Александру Михайловичу Сазонову всего 57...

УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

начала о скандале. 26 июля 1951 года у гостиницы «Воронеж» прямо с цветочной клумбы был похищен резиновый поливочный шланг, принадлежавший тресту очистки города. Вора обнаружили практически сразу и доставили в Центральный райотдел милиции. Задержанным оказался старший научный сотрудник Ботанического сада ВГУ Сергей Иосифович Петрович. Он был изрядно пьян, но при этом имя и должность свою скрывать не стал, да и факт кражи признал сразу. После чего задержанный поведал слегка опешившим милиционерам странные истории про несчастные растения, которые буквально сгорают на солнце (конец июля 1951-го бил все рекорды; столбики термометров в Воронеже поднимались до + 35 градусов). Поливочных же шлангов в Ботсаду, где работал задержанный, не хватало. Поэтому директор дал ему деньги и поручил решить данную проблему. Петрович весь день искал в Воронеже заветный шланг, но так и не нашел. Ни в магазинах, ни на базах шлангов не было. Уникальные растения Ботсада были под угрозой гибели, и Петрович, приняв для храбрости, спер шланг с клумбы у гостиницы «Воронеж».

Примечательно, что перед тем как совершить кражу, старший научный сотрудник ВГУ предлагал работникам гостиницы купить у них этот шланг за 40 рублей. И тогда появился какой-то мальчишка, который, назвавшись хозяином этого шланга, взял у Петровича деньги. После этого счастливый Петрович забрал шланг, но вскоре был задержан...

Как водится, дело о краже направили в районную прокуратуру. Факт преступления был налицо, и перед старшим научным сотрудником маячила реальная перспектива семилетнего тюремного срока. Но тут в историю вмешался едва ли не самый авторитетный в те годы воронежский ученый – член-корреспондент Академии наук СССР, депутат Верховного совета РСФСР, член знаменитого Линнеевского общества в Париже, а по совместительству – основатель и директор того самого Ботанического сада ВГУ Борис Михайлович Козо-Полянский.

Всемирно известный ботаник сразу встал за никому не известного научного сотрудника горой, после чего районный прокурор Тихонов постановил: уголовное дело не возбуждать, а решить судьбу злоумышленника на профсоюзном собрании трудового коллектива Ботсада.

Такое собрание состоялось 1 октября 1951 года, и страсти там бушевали нешуточные.

«Петрович совершил два преступления: первое – в нетрезвом виде, да еще в рабочее время шатался по улицам, что недостойно старшего научного сотрудника; второе – покупая заведомо ворованный шланг, он явился соучастником воровства. Да, собственно говоря, покупал ли он его или украл – это остается на совести Петровича», – гремел заместитель директора Ботсада товарищ Машкин.

«Общий государственный интерес должен быть для всех нас превыше всего, и потому поступок Петровича, направленный на благоустройство сада в ущерб государству, является преступлением, за которое мы должны строго осудить Петровича», – негодовал сотрудник Ботсада товарищ Медведев.

«Что из себя представляет Петрович? – вопрошал его коллега товарищ Шипилов. – Он трудолюбив, но он пьяница. Очевидно, до совершения этого преступления он выпил не одну кружку пива, как он об этом говорит сам, а нализался как поросенок. Разве к лицу это советскому научному сотруднику?.. Петрович опозорил не только себя, но и Ботанический сад, и университет»...

Чем бы все это закончилось – гадать сложно, но в самый драматический момент на собрании выступил профессор Козо-Полянский. В результате виновный отделался лишь временным понижением в должности. А уже через год все тот же Борис Михайлович Козо-Полянский ходатайствовал перед ректором ВГУ о восстановлении ценного сотрудника в прежнем статусе, и ректор такое ходатайство удовлетворил.

Кто же был тот незадачливый выпивоха, и почему за него так упорно бился знаменитый ученый?

Сказать, что Сергей Иосифович Петрович был одним из сотрудников научной группы профессора Козо-Полянского, значит не сказать ничего. Когда-то, еще до войны, Петрович был не просто студентом, а едва ли не самым любимым и многообещающим учеником легендарного творца-чародея филогенетической системы растительного мира. Еще не окончив биофак ВГУ, Петрович, по рекомендации Козо-Полянского, начал работать директором (!) заповедника «Галичья гора». А в 1939 году окончившего с отличием университет Петровича сразу же назначили заместителем директора Ботсада (т.е. все того же Козо-Полянского) по науке.

Ботсад ВГУ возник перед самой войной. В 1937 году под его создание городскими властями была выделена хорошо известная воронежцам дача купца Ф.Н. Петрова в районе сельскохозяйствен-

ного института, со старым запущенным садом и прилегающими лесными и луговыми участками. Пересеченная местность, обилие разнообразной дикой растительности благоприятствовали созданию на этой территории заповедника естественной флоры. Его основатель – профессор Козо-Полянский – всю свою жизнь резко выступал против «кунсткамерного» характера ботанических садов, способных лишь изумлять публику собранием редкостей. В противовес им Борис Михайлович создавал в Воронеже сад, имеющий ярко выраженную научно-техническую направленность. И то, что он доверил здесь пост своего заместителя по науке вчерашнему студенту Петровичу, говорит о том, что знаменитый ботаник связывал будущее научного растениеводства нашего края именно с этим молодым ученым.

Однако в сентябре 1939 года все научные эксперименты оборвались: Петровича призвали в армию.

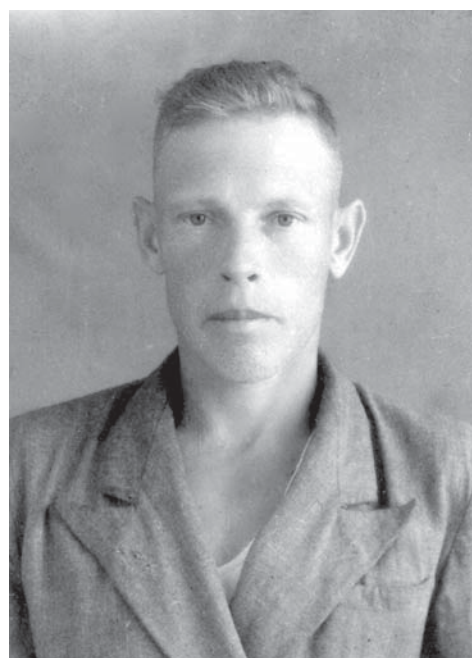
Советский Союз вступал во Вторую мировую войну, и по приказу тогдашнего наркома обороны маршала Ворошилова в войска начали забирать всех поголовно, невзирая ни на какие отсрочки. Так что молодому перспективному ботанику из Воронежа пришлось круто изменить свою жизнь.

Его военные похождения поражают лихо закрученным сюжетом. Поначалу Петровича отправили в город Горький на краткосрочные курсы военно-политического образования, после чего его, уже в звании старшего политрука, определили на службу в политотдел 151-й стрелковой дивизии Харьковского военного округа.

22 июня 1941 года, когда Германия напала на Советский Союз, дивизия, где служил старший политрук Петрович, приняла бой в районе Быхова. Но уже к началу июля эта дивизия была полностью окружена и разбита. Петровичу удалось выйти из окружения вместе с пятнадцатью уцелевшими бойцами. Они укрылись в глухих гомельских лесах, образовав партизанский отряд. Петрович стал его командиром.

В течение нескольких месяцев они нападали на немецкие комендатуры, устраивали охоту на полицаяв и немецких военнослужащих, подрывали склады... А в марте 1942 года командира партизан свалил тиф. Петрович был в бессознательном состоянии, когда партизаны принесли его в дом крестьянина Самсонова – жителя хутора Пухов Журавичского района тогда Могилевской области.

Этот хуторянин и выходил Петровича. Окрепнув, тот уже собирался отправиться на поиски своего отряда, но тут в Пухов неожиданно нагрянули сотрудники немецкой комендатуры и взяли под стражу всех молодых мужчин. На следующий

Сергей Иосифович Петрович
(1912–1963)

день их отправили на работу в Германию – оstarбайтерами.

На вокзале в городе Штольп (нынешний польский Слупск), куда привезли эшелон с оstarбайтерами из СССР, ремонтировали пути. Петрович был сыном железнодорожника, да и сам когда-то, еще до поступления в ВГУ, участвовал в строительстве железнодорожного моста через реку Северский Донец в Каменске-Шахтинском. И теперь, вспомнив об этом опыте, он попросился в бригаду ремонтников. Его оставили в Штольпе.

А через месяц он бежал. Долгие недели блуждал по лесам и болотам, стороной обходил города и села, но на самой линии фронта был пойман и отправлен в концлагерь Штуттгоф.

Оттуда он тоже бежал. Добрал до имения Вильямсхоф и, назвавшись поляком, ищущим работу (польский он знал с детства), стал батрачить на немецкого фермера. В очередной раз бежал в 1945-м, когда советские войска уже подходили к границе Германии. На этот раз попал к своим довольно быстро, но поскольку никаких документов у него не было, Петровича арестовала контрразведка СМЕРШ.

Начались изматывающие допросы. В ходе одного из них бывший старший политрук потребовал: до выяснения обстоятельств отправить его в бой простым солдатом. Его определили в штрафбат.

Сотрудники Ботанического сада ВГУ на участке новых экономических культур. Второй слева – профессор Б.М. Козо-Полянский, второй справа – старший научный сотрудник С.И. Петрович. 1952 год

В конце марта 1945 года в боях за Данциг батальон штрафников был почти полностью уничтожен. Петрович чудом выжил, отделавшись несколькими ранениями, в том числе в голову. Судьба устраивала ему самые невероятные испытания, но всякий раз каким-то непостижимым образом он умудрялся преодолеть все преграды.

После госпиталя Петрович вновь оказался в СМЕРШе. Окончательно его оправдали уже после Победы, осенью 1945 года, посчитав, что он испустил кровью всю вину перед Родиной. Правда, ни офицерского звания, ни партийного прошлого, ни партизанского стажа ему так и не зачли.

Петрович вернулся в Воронеж рядовым, не имеющим никаких наград. Это был уставший и больной человек, утративший смысл жизни. Блуждая по болотам и лесам, он подхватил малярию, которая теперь раз за разом изматывала его. О возвращении в науку не могло быть и речи. Единственное успокоение Петрович нашел в водке. Все чаще и чаще он уходил в запой, во время которого однажды его и разыскал его учитель.

В ту пору Борис Михайлович Козо-Полянский уже вернулся из Казахстана, куда он с семьей в октябре 1941 года был эвакуирован по специальному решению исполкома Воронежского облсовета как наиболее ценный научный работник. Созданный им Ботанический сад ВГУ был почти полностью уничтожен в годы войны. Вышло так, что в дни боев за Воронеж именно через его территорию прошел

рубеж, отделивший плацдарм, занятый советскими войсками, от расположения немцев. Сотни мин день за днем впивались в землю, снаряды оставляли гигантские воронки, погребая плоды творческого и научного труда воронежских ботаников. Среди уникальных растений погибла и гордость воронежской университетской школы ботаники – роза «Царица света» – тройной гибрид, источник драгоценного эфирного масла. Вдобавок созданный директором и его учениками богатейший гербарий был вывезен в Германию...

Всё надо было начинать сначала. И знаменитый ученый предложил спивающемуся штрафбатовцу сделать это вместе...

В январе 1946 года ректор ВГУ удовлетворил настойчивую просьбу заведующего кафедрой высших растений ВГУ профессора Б.М. Козо-Полянского и принял на должность старшего лаборанта этой кафедры безработного С.И. Петровича. А уже весной последний был зачислен старшим научным сотрудником в возрождающийся Ботсад.

Уничтожив многие растения Ботанического сада, война пощадила его дендрологический участок: сохранился целый ряд декоративных деревьев и кустарников. Теперь рядом с ними стали появляться сотни новых культур из различных стран Старого и Нового Света: бобовые из Бразилии, жиромасличные из Абиссинии, эфиромасличные из бассейна Средиземного моря, текстильные из Америки...

Перед Петровичем была поставлена задача: сделать всё возможное, чтобы эти растения не просто прижились в Ботсаде, но в максимально короткий срок прошли акклиматизацию и появились на улицах города. Эта задача была выполнена. Уже через год, благодаря стараниям Сергея Иосифовича, на улицах разрушенного дотла Воронежа, рядом с обугленными остовами зданий появилось огромное количество декоративных кустарников и ярких диких цветов, готовых соперничать с культурными видами.

Петрович возобновил и свои довоенные научные исследования. Как отмечал профессор Козо-Полянский, Сергею Иосифовичу удалось собрать и систематизировать уникальные научно значимые материалы наблюдений, которые легли в основу целого ряда научных разработок университетских ученых. Сам же Петрович наконец-то закончил начатое еще до войны фундаментальное новаторское исследование по такому лекарственному растению, как белладонна. Результаты этого исследования стали первым в регионе обобщением опыта выращивания уникального травянистого растения в Центральном Черноземье...

Словом, были достижения и удачи, однако вернуться на довоенный уровень занятия наукой Петро-

вич так и не смог. Война продолжала преследовать его, став навязчивым фантомом. Петрович глушил воспоминания водкой, из-за чего попадал в весьма неприятные истории. Но каждый раз ему на помощь неизменно приходил его учитель Борис Михайлович Козо-Полянский, который вытаскивал своего ученика из любых передряг.

Так продолжалось до 21 апреля 1957 года, когда профессора не стало.

...На похоронах учителя Петрович был трезв и мрачен. Он удрал с официальных поминок в Ботанический сад и там, среди яркой ослепляющей зелени, которая всякий раз охватывает нашу землю в конце апреля, наконец-то дал волю чувствам – рыдал в голос о своем ушедшем гениальном друге и учителе, которого никто и никогда ему уже не заменит...

Один из самых любимых учеников профессора Козо-Полянского пережил своего учителя всего на шесть лет. После смерти Бориса Михайловича Петровича начали одолевать приступы малярии и головной боли. Они случались все чаще и чаще и в конце концов свели его в могилу. Так что эти шесть лет были для него совсем непростыми.

Впрочем, простых лет в жизни талантливого ботаника Сергея Иосифовича Петровича не было вообще.

ЗАЧАРОВАННЫЙ ДОН КИХОТ

Нетом 2017-го знакомые из Латвии достали мне его телефон. Самый авторитетный латвийский лингвист и переводчик почтенный профессор Валдис Янович Бисениекс жил в Дрейлинях – экологически чистом районе на окраине Риги, – в большом просторном доме на каменном холме. В 1960-е годы он волею случая преподавал в Воронежском университете, и я рассчитывал расспросить его о том, наверняка сохранившемся в его памяти времени.

Я позвонил. Женский голос с очень сильным акцентом, но все же по-русски сообщил, что профессора нет дома: он ушел плавать. Оказалось, это было его непереносимое ежедневное занятие. Когда-то, еще в детстве, у него диагностировали тяжелую форму астмы, врачи даже считали, что Бисениекс обречен, но будущий профессор выжил. Рецепт его исцеления состоял из ежедневных физических упражнений, плавания и двухразовых пробежек (летом – босиком). Сюда же, впрочем, входили непереносимый кофе, сваренный на углях, и столь же неизменная ежедневная рюмка особого ликера, ре-

цепт которого ему поведали в каком-то бенедиктинском монастыре...

Я позвонил через несколько дней, но профессора вновь не оказалось дома. Ему уже рассказали о звонке из Воронежа, из университета, и Валдис Янович якобы очень оживился: как мне сказали, наш город остался в его памяти веселым и молодым.

Потом я уехал в отпуск, после которого на каждого из нас традиционно обрушивается текучка... Словом, я отложил звонок в Ригу до следующего года, на который выпадало столетие ВГУ.

А в ноябре из Латвии пришло известие о смерти профессора: во сне у него остановилось сердце.

* * *

Во времена СССР едва ли не под большим запретом, нежели свобода печати, находилась свобода страсти. Страсть представлялась партийным идеологам абсолютно чуждой коммунистическому человеку, который в идеале должен был походить на крепкого, идейно подкованного бесстрастного робота.

Валдис Янович Бисениекс
во время работы в ВГУ

Потому вмешательство коллектива в личную жизнь считалось вполне нравственным. Публичные выволочки, часто с оглаской интимных подробностей, всевозможные месткомы, парткомы и товарищеские суды, без устали разбирающие служебные романы, призваны были регулировать поведение и моральный облик советских граждан. Те же, кто отказывался признавать порочность собственной страсти, объявлялись изгоями общества.

Так рушились многие карьеры. В Воронеже, к примеру, в 1970–1980 годах жертвами служебных романов оказались первый секретарь обкома комсомола Владимир Плаксин и университетский филолог Леонид Шаповалов, у которого после нескольких лет работы во Франции и Мали открывались блестящие перспективы в профессии...

Вот и в истории появления в Воронеже молодого латвийского ученого Валдиса Бисениекса определяющую роль сыграла всё та же страсть.

10 февраля 1964 года на стол ректора Воронежского госуниверситета Бориса Ивановича Михантьева легко необычное – и по форме, и по содержанию – заявление:

«Прошу предоставить мне возможность работать в Воронежском государственном университете по специальности немецкого языка. До 24 октября 1963 года я работал ассистентом при кафедре не-

мецкой филологии Латвийского государственного университета и был уволен как несоответствующий педагогической работе в университете. Причиной моего увольнения была близкая связь с N, которая была и есть замужем. Познакомился я с нею в 1961 году, когда она оканчивала университет. Сначала я не знал, что она замужем. Мы полюбили друг друга, и у нас появилось намерение создать новую семью. Чтобы развестись с мужем, она поехала работать учительницей в сельскую школу. О своем намерении она сказала мужу. Но муж стал умолять ее, уверяя, что не сможет жить без нее, и она его пожалела. На мои письма она перестала отвечать. В 1962 году я узнал, что у нее родился ребёнок. В отчаянии я показал моральную неустойчивость и допустил слишком близкие отношения с другой женщиной. Я ей дал обещание, которое потом не смог выполнить. В 1963 году, весной, я узнал от одного человека, близкостоящего N, о тех страданиях и унижениях, которые заставил терпеть ее муж, когда он увидел, что она теперь в его полной власти. Когда я однажды опять встретил ее, я был готов сделать всё, чтобы ей помочь. Наши отношения опять стали близкими. Я ей откровенно признался в своей ошибке, которую я совершил в отчаянии. Она меня неправильно поняла и, подумав, что мои отношения с другой женщиной продолжаются, написала письмо с тяжелыми упрёками, которое, после того как это недоразумение уяснилось, она мне не отправила, но забыла уничтожить. Все мои письма, а также ее неотправленное письмо попали в руки ее мужа, который отнес их в редакцию газеты «Падомью Яунатнэ» («Советская молодежь». – Авт.). Заместитель редактора этой газеты Э. Строд, несмотря на то, что сама N ему все факты объяснила и говорила, что разведется с мужем, на основании этих писем написал в газете клеветническую статью. Моё дело обсуждалось на заседании кафедры, где решили мой поступок осудить, но оставить меня членом кафедры. Потом оно разбиралось на заседании факультетского совета. Где присутствовала и N, подтверждая все факты и наше намерение создать новую семью. Но она сказала также, что пока этого сделать не сможет, так как муж ее, по ее мнению, способен совершить любое преступление, чтобы отомстить ей. Совет не принял никакого решения, считая, что нельзя разрешить голосованием такое глубоко интимное дело. Тогда вмешались местком и партбюро, и люди, совершенно меня не знающие, дезинформированные о моем деле, приняли решение уволить меня. Под влиянием этих решений за мое увольнение проголосовал и вторично созданный факультетский совет.

Мои отношения с N теперь прекращены, и пока она будет замужем, у нас никаких отношений не будет. Со своей стороны я ничего не буду предпринимать, чтобы повлиять на ее решение».

Страстная исповедь сопровождалась письменной просьбой декана недавно появившегося в университете факультета РГФ Г.Е. Веделя, ходатайствующего о зачислении автора заявления, Валдиса Яновича Бисениека (по-русски его фамилия писалась без конечного «с»), на должность преподавателя кафедры немецкой филологии – с того же дня.

Рискну предположить, что подобных заявлений ректору Михантьеву прежде вряд ли доводилось читать, а коли так, то легко представить, что он перечитал тот текст не один раз. Во всяком случае, его резолюция на заявлении своей несвязностью и отсутствием знаков препинания выдает крайнюю степень ректорского смущения. Михантьев согласился принять в штат несчастного влюбленного.

* * *

Григория Евгеньевича Веделя Бисениекс знал по Риге. В 1955 году прибывший в столицу Латвии из Ставрополя Ведель возглавил кафедру немецкого языка Рижского пединститута, на которой тогда уже начинал работать молодой преподаватель Бисениекс. Через год после этого Валдис стал аспирантом Веделя. Его кандидатская диссертация «Модальность косвенной речи в латышском и немецком языках» представлялась во многом новаторской и была успешно защищена в 1959 году. В том же году Ведель из Латвии уехал, но связей со своим учеником не прерывал. Когда же тот попал в беду, именно Ведель пришел ему на помощь и увез несчастного влюбленного в Воронеж.

Факультет романо-германской филологии появился в ВГУ в 1962 году, Ведель был его первым деканом. Становление факультета проходило очень непросто. С первого дня на РГФ обозначились две группировки, у каждой из которых было свое представление о путях и задачах развития молодого факультета. Одни из них – «филологи» – доказывали необходимость укрепления теоретической базы, создания в ВГУ солидной научной школы языковедов и специалистов по зарубежной культуре. Во главе этой группы был заведующий кафедрой французского языка профессор В.А. Лисицкий. Другие – «методисты» – полагали основной целью факультета обучение студентов иностранным языкам без всякого ухода в вопросы классической филологии. Лидером их и был Г.Е. Ведель.

Бои между непримиримыми противниками велись нешуточные. Кляузы на оппонентов летели не

только в ректорат, но и в обком партии, в профильное министерство и даже в отдел науки ЦК. Забегая вперед, скажу, что прибывшая в 1966 году для проверки писем-доносов солидная комиссия из Москвы обнаружила в работе Веделя кучу недостатков, в результате чего тот навсегда лишился поста декана. Однако одержать победу над «методистами» на факультете РГФ ВГУ «филологи» так и не смогли. Но произошло это уже после того, как Бисениекс из Воронежа уехал.

Кстати, сам молодой рижский ученый в тех скандалах не участвовал: по мировоззрению ему ближе была позиция «филологов», но лидер «методистов» был его учителем, человеком, протянувшим руку помощи в непростой ситуации. И Бисениекс от склок устранился. Он поселился в 1-м университетском общежитии на улице Энгельса и с головой ушел в работу – читал фонетику немецкого языка, вел спецкурс по интерпретации иностранного текста.

Выпускница немецкого отделения факультета РГФ ВГУ 1965 года Светлана Александровна Трухина вспоминает, что молодой латвийский преподаватель был прекрасным специалистом, но при этом производил впечатление человека «не от мира сего». «Это был классический интеллигент, он прекрасно знал мировую литературу, поэтому его лекции мы старались не пропускать», – говорит С.А. Трухина.

«У него были слегка пухлые губы, которые чаще всего называют “чувственными”. Во время разговора он смотрел как бы сквозь людей: у него был свой мир, который он не торопился покидать», – рассказывает Наталья Никитична Балобина, окончившая факультет РГФ в 1967 году. Говорил Бисениекс слегка нараспев. Русский язык он знал неважно, но предложения строил очень правильно. А немецким владел в совершенстве, по этой причине большую часть лекции он читал на этом языке.

В Воронеже Валдис Янович подружился с Борисом Николаевичем Гвоздовичем, старшим преподавателем кафедры немецкого языка. Они были ровесниками, но совершенно разными по темпераменту людьми. Гвоздович часто приходил на лекции Бисениекса, сидел, слушал очень внимательно, а после прямо в коридорах университета они начинали что-то бурно обсуждать, причем горячился в основном Гвоздович.

На четвертом курсе Н.Н. Балобина по студенческому обмену уехала учиться в Рижский университет, куда к тому времени уже вернулся и Бисениекс. Он был очень рад этому обстоятельству, называя Нину Никитичну «первой ласточкой из Воронежа». Но это было уже несколько позже.

В. Бисениекс:
вглядываясь
в призрачный мир

А пока Валдис Янович продолжал читать лекции в Воронежском университете, а все свободное время бродил по городу, пытаясь залечить любовную рану. Знавшие Бисениекса люди вспоминают о его своеобразной походке: он ходил с высоко поднятой головой, мало что замечая вокруг. При этом он все время что-то нашепывал, что-то проговаривал...

В Воронеже, к примеру, в такие минуты Валдис Янович часто читал наизусть целые страницы из новеллы Томаса Манна «Тонио Крёгер», едва ли не самого любимого своего произведения в то время.

История Тонио Крёгера – одаренного писателя, тоскующего о «блаженстве обыкновенности», о сопричастности живой жизни, среде, которую в свою очередь отталкивает его отчужденность, – запала в душу Валдиса еще в юности. «В Крёгере я нашел своего двойника, – признавался спустя годы Бисениекс. – Он думал, как я, мыслил, как я... Да и сама эта мечта о немудреном обывательском счастье была у нас общей».

Блуждая по скверам и улицам нашего города, устраивая пробежки вниз к реке и обратно, Валдис нередко бормотал строки из этой новеллы на языке оригинала, а потом, вернувшись в общежитие, пробовал записать эти строки по-латышски.

«Я вглядываюсь в неродившийся, еще призрачный мир, который требует, чтобы его отлили в форму, упорядочили, вижу толчею теней, отбрасываемых человеческими фигурами, эти тени машут мне – воплотите и освободите нас! Среди них есть трагические, есть смешные, есть и такие, в которых представлено то и другое, – к ним я привержен всей душой. Но

самая глубокая, тайная моя любовь отдана живым, счастливым, дарящим радость, обыкновенным. Не хулите эту любовь: она благодатна и плодотворна. В ней страстное ожидание, горькая зависть, малая толика презрения и вся полнота целомудренного блаженства» (Томас Манн. «Тонио Крёгер»).

Так лечил душевную рану этот человек, так пытался разобраться в произошедшем с ним в Риге, определить дорогу к будущему счастью.

Через год Бисениекс покинул Воронеж и вернулся на родину спокойным, преодолевшим личную драму человеком. Неразделенная страсть, ставшая причиной появления его в нашем городе, осталась в прошлом. Впереди его ждала новая любовь – Аусма Креслине, женитьба, рождение сына и долгие годы семейного счастья...

А пока в чемодане уезжающего из нашего города Валдиса Бисениекса лежала рукопись перевода «Тонио Крёгера».

Книга новелл Томаса Манна на латышском языке вышла в Риге через год.

* * *

Из всего, что написали о Бисениексе на его родине после смерти профессора, меня больше всего заинтересовал такой образ: «В огромном мировом океане литературы и лингвистики он всегда оставался красивым и свободным».

Полиглот, исследователь почти всех европейских и ряда азиатских языков, автор-составитель фундаментального, выдержавшего уже несколько переизданий латышско-немецкого словаря, кавалер

престижнейшего в Латвии Креста Признания, доктор филологических наук, член Союза писателей Латвии, переводчик и поэт Валдис Янович Бисениекс, по воспоминаниям многих знавших его людей, каким-то невероятным образом умел чувствовать языки и... играть с ними. Говорят, что его докторская работа «Синтаксические единицы и их релевантные признаки в современном немецком языке» именно об этом.

После Воронежа Бисениекс перевел на латышский язык множество интеллектуальных текстов, среди которых были и священная древнеиндийская песня «Бхагавадгита», и «Фауст» Гете, и «Божественная комедия» Данте, за которую Валдис Янович получил особую награду итальянского правительства.

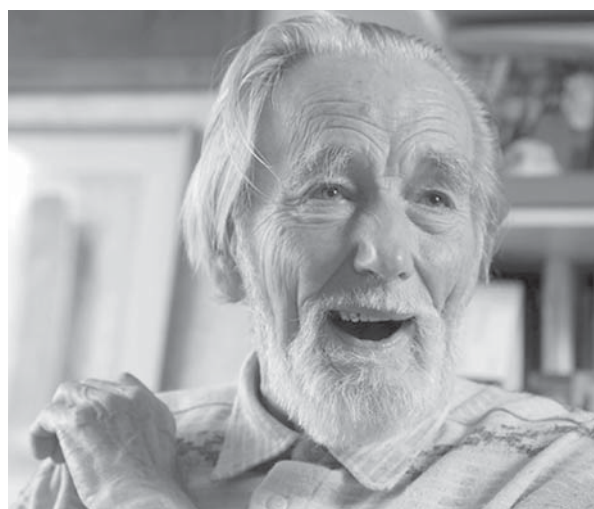
Данте для Бисениекса – еще один значимый автор. Его «Божественную комедию» он впервые прочел в семь лет. И, как признавался позже, был потрясен описанием ада. Понятия «рая» в то время для него пока не существовало, поэтому он никак не мог понять, что это такое.

Всю последующую жизнь Валдис Янович искал этот рай.

«Мир нуждается в положительно заряженном гении, – говорил профессор в одном из интервью, – а гений – это прежде всего любовь».

Профессор Валдис Бисениекс получает Крест Признания из рук президента Латвии Валдиса Затлерса. 2011 год

В. Бисениекс: гений – это любовь

Его ученик, известный латышский поэт и переводчик Улдис Берзиньш, так вспоминает о лекциях профессора Бисениекса:

«Занятия начиналась рано, поэтому студенты были еще сонные. Профессор стремительно входил в аудиторию, бросал на стол свой выдавший виды портфель и извлекал оттуда несколько страниц текста.

Это были стихи о любви – Данте, Петрарка, Рильке, Пушкин, Ян Райнис, сам Бисениекс. Он читал их, страница за страницей.

Это была необходимая прелюдия к его лекциям. Он как бы открывал студентам свой мир, приглашая в этот мир всех нас. И этот мир был наполнен любовью».

Страсть, когда-то ставшая причиной его вынужденного появления в Воронеже, не отпускала этого человека до последних дней жизни. За несколько лет до смерти он написал и выложил в интернет документальный роман о страстях своей жизни, поражающий своей откровенностью. Этот роман Бисениекс назвал *La Divina Commedia*, так же, как звучит главное произведение любимого им Данте на языке оригинала.

«Я безнадежный фантазер, – говорил в одном из интервью профессор. – Еще безумнее, чем Дон Кихот. Повсюду я вижу ветряные мельницы или что-то подобное – огромное и несокрушимое... Но с годами я убедился, что в “битве стилей” Дон Кихот иногда может победить ветряные мельницы. Правда, это замечают не сразу, а лишь через много-много лет...»